

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2010
XIX

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
614
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Том XIX

Экспресс-выпуск • Express-issue

2010 № 614

СОДЕРЖАНИЕ

- 2099-2109 Обыкновенный снегирь *Pyrrhula pyrrhula*
и свиристель *Bombycilla garrulus* на северном
пределе ареала в Западной Сибири.
В.Н.РЫЖАНОВСКИЙ
- 2110-2118 О применимости понятия «подвид»
в изучении внутривидовой изменчивости.
П.В.ТЕРЕНТЬЕВ
- 2118-2122 К статье А.Я.Тугаринова о гусях Енисея.
С.А.БУТУРЛИН
- 2122-2123 Новая регистрация черноголового хохотуна
Larus ichthyaetus в Белоруссии.
Н.Н.ЯКОВЕЦ, М.Г.ДМИТРЕНОК
-

Редактор и издатель А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных

Биолого-почвенный факультет

Санкт-Петербургский университет

Санкт-Петербург 199034 Россия

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XIX
Express-issue

2010 № 614

CONTENTS

-
2099-2109	The common bullfinch <i>Pyrrhula pyrrhula</i>
and the Bohemian waxwing <i>Bombycilla garrulus</i>
near northern range limit in Western Siberia.
V. N. RYZHANOVSKY
2110-2118	The «subspecies» conception utility in the study
of intraspecific variability. P. V. TEREENTJEV
2118-2122	Notes about the paper of A.Ya.Tugarinov
on the geese of Yenisei. S. A. BUTURLIN
2122-2123	New record of the great black-headed gull
<i>Larus ichthyaetus</i> in Belarus.
N. N. YAKOVETS, M. G. DMITRANOK
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Обыкновенный снегирь *Pyrrhula pyrrhula* и свиристель *Bombycilla garrulus* на северном пределе ареала в Западной Сибири

В.Н.Рыжановский

Институт экологии растений и животных УрО РАН,
ул. 8 марта, д. 202, Екатеринбург, 620219, Россия, E-mail: ryzhanovsky@ecology.uran.ru

Поступила в редакцию 11 ноября 2010

Обыкновенный снегирь *Pyrrhula pyrrhula* и свиристель *Bombycilla garrulus* имеют близкие области гнездования (таёжная зона Евразии), в пределах которых они и зимуют, кочуя преимущественно от северных границ ареала к южным. Нерегулярно в процессе кочёвок они вылетают за пределы гнездовой части ареала.

Зимой снегيري и свиристели частично конкурируют друг с другом за пищу, прежде всего за плоды рябины, мелкоплодной яблони, боярышника. При этом свистели, как и дрозды, усваивают только мягкие части ягод, непереваренные семена выделяются с помётом. За осень свиристели, обычно совместно с рябинниками *Turdus pilaris*, выедают рябину в лесах, к середине зимы съедают большую часть ягод в посёлках, городах, пригородных садах и откочёвывают в другие районы. Снегири в течение зимы подбирают то, что не съели два предыдущих вида. Способ обработки пищи у снегиря совершенно другой: из ягод и плодов они выедают только семена. На небольшой ягодной яблоне группа птиц может кормиться несколько дней, не используя все плоды сразу, т.к. спектр питания снегирей весьма широкий – разнообразные семена деревьев и трав (Галкин 1972; Постников 2000). Поэтому в городских парках, пригородных и сельских садах снегيري встречаются до весны, свиристели же весной могут не встречаться совсем.

Наблюдая осенние налёты свиристелей, когда они по численности многократно превосходят снегирей, создаётся впечатление о доминировании свиристелей среди таёжных воробьиных в гнездовое время и редкости в тайге снегирей. В действительности же оба вида в тайге весьма малочисленны. По этой причине сведений об их летней жизни в литературе очень мало и сосредоточены они главным образом в фаунистических сводках. Столь же мало данных об этих видах и у автора настоящего сообщения. Однако в тех районах Субарктики, где мы работали (Нижнее Приобье и полуостров Ямал), орнитологические исследования со времён Б.М.Житкова (1912) надолго не прерывались, а с середины XX века стали ежегодными и «многоотрядными», по их ре-

зультатам опубликованы сводки и монографии. Поэтому есть возможность, сопоставляя собственные и литературные материалы; сравнить биологию снегиря и свиристеля – этих систематически далёких, но экологически весьма близких, особенно во негнездовое время, видов. При этом ставилась задача выявить особенности экологии, способствующие освоению этими птицами южных районов Субарктики.

Материал и методы

Материалы автора – это результаты полевых наблюдений с 1971 года в Приобской лесотундре, на Полярном Урале и на Южном Ямале, результаты отловов птиц паутинными сетями в 1976-1978 годах в долине реки Сось, пересекающей Уральский хребет в среднем течении, а также результаты отловов птиц сетями и большой ловушкой в долине Оби в окрестностях г. Лабытнанги (стационар Октябрьский). Всех пойманных птиц кольцевали, взвешивали, оценивали количество подкожных жировых резервов, описывали состояние оперения. К литературным данным относятся монографии (Данилов и др. 1984; Вартапетов 1984, 1998; Пасхальный 2004; Головатин, Пасхальный 2005) и весьма многочисленные статьи, где свиристель и снегирь обычно упоминаются без описания деталей биологии.

Характер пребывания

Основной период регистрации снегиря и свиристеля на севере Западной Сибири – с конца мая до конца августа. Менее регулярно они встречаются во негнездовое время: весной, осенью и, реже, зимой. По данным С.П.Пасхального (2004), в Лабытнанги одиночных свиристелей и группы видели почти ежегодно в марте-июне и сентябре-ноябре. Массовые осенние налёты, длящиеся до истощения запасов ягод рябины, отмечены в 1983, 1987, 1988, 1999 годах. В урожайные на рябину годы свиристели остаются зимовать в речных долинах Полярного Урала. В.С.Балахонов (1978) в долине Соби у станции Красный камень видел стайки по 10-15 особей 26 января 1976. В 1984 году Свиристели появились в городе Лабытнанги в начале марта и встречались там до середины апреля, до появления проталин на плакорах, кормясь на помойках (Пасхальный 2004). Снегири зимой на широте Полярного круга встречаются значительно реже. В частности, в Лабытнанги на территории Экологического стационара с 1 по 26 декабря 1999 регулярно кормились на рябине 1-3 птицы (Пасхальный 2000), там же мной 1 марта 2002 встречена самка.

Обилие

В северной тайге Обь-Пуровского междуречья в первой половине лета средняя по ландшафту численность свиристелей в 1987-1988 годах составила 4 ос./км², наиболее высокая плотность отмечена на участках нефтепромыслов (возможно, это были кочующие птицы), в лесах же встречено от 1 до 4 ос./км² (Вартапетов 1998). В пределах таёжной

зоны Л.Г.Вартапетов (1984) отмечает снижение обилия свиристелей в гнездовое время от северной тайги к южной. Снегирей в северной тайге Обь-Пуровского междуречья автор не встречал ни в 1976, ни в 1987-1988 годах, но отмечал их присутствие в средней тайге. Но снегири в северной тайге есть. В верховьях реки Сорум (приток Казыма) встречаемость свиристелей в лесных ландшафтах составила 0.17 пары на 1 км маршрута, снегирей – 0.13 на 1 км пойменного леса (Головатин, Пасхальный 1999). Для пойменных лесов реки Русской (приток реки Таз) свиристель отнесён к категории обычных, но снегирь (по голосу) отмечен лишь дважды (Виноградов 2002). В северной тайге и лесотундре бассейна Енисея свиристель и снегирь относятся к редким, местами обычным видам, встречающимся с максимальной плотностью в тёмнохвойной тайге: первый вид 3-8, второй – 2 ос./км² (Рогачёва 1988). Таким образом, на пространстве Обь-Енисейского междуречья гнездятся оба вида при численном доминировании свиристеля.

Для ландшафтов границы между северной тайгой и южной лесотундрой на левобережье Оби и в Лесном Урале М.Г.Головатин (2002) сообщает, что свиристели на облесенной территории встречаются повсеместно с гнездовой плотностью 0.5-1.0 пар/км², снегири же очень малочисленны – 0.1-0.2 пар/км². Для участков древостоев и пойменных зарослей высоких кустарников в горных долинах Полярного Урала М.Г.Головатин и С.П.Пасхальный (2005) указывают плотность 1.5 ± 0.8 (река Лонготъеган) и 1.6 ± 1.1 пар/км² (река Собь). На учётной площадке стационара Октябрьский гнездящиеся свиристели не регистрировались; гнездование пары снегирей на территории активного поиска гнезд (около 1 км²) регистрировали дважды за 8 лет наблюдений. В 2009 году на этой территории было не менее 2 пар снегирей; а охотящегося за насекомыми свиристеля неоднократно видели в 3 км от площадки. В наиболее северной точке гнездования – в островном лесу реки Хадытаяха (Данилов и др. 1984), оба вида гнездятся с ещё более низкой плотностью и, вероятно, лишь в отдельные годы.

Биотоп

По описаниям М.Г.Головатина и С.П.Пасхального (2005), свистели предпочитают разреженные древостои с участием ели в верхнем ярусе и подлеском из берёзы, ольхи и ивы, чаще в пойме или на прилегающих к ней участках. В предгорьях Полярного Урала встречена пара свиристелей в лиственничной речине с подлеском из ольхи, берёзы, можжевельника. Могут быть встречены эти птицы и в пойменных разреженных зарослях древовидных ив. В горы Полярного Урала поднимаются не выше облесенной части, но кормиться вылетают и за его пределы. Индивидуальная территория пары довольно большая и включает открытые тундроподобные участки, болотца, облесенные бо-

лота, на которые птицы вылетают кормиться. Согласно Л.Г.Вартапетову (1984), в северной тайге во время гнездования свиристели встречаются в приречной тёмнохвойной тайге, на гарях, по соснякам, на грядово-мочажных верховых болотах. В районе стационара Октябрьский свиристель вылетал на кормежку в сор из прибрежного смешанного леса из ели, лиственницы, берёзы и ольхи.

Снегири предпочитают гнездиться в глухой высокоствольной тайге (Рогачёва 1988), которой в нашем районе практически нет. Поэтому основной биотоп, где можно встретить снегирей – это смешанный лес с присутствием ели в речных долинах. В горах Полярного Урала снегири встречаются как в древостоях с большей или меньшей примесью ели, так и в высоких кустарниках по берегам рек (Головатин, Пасхальный 2005). В районе стационара Октябрьский два гнездовых участка этих птиц располагались на склоне коренного берега, занятого смешанным елово-берёзовым, с участием ольхи и лиственницы, лесом. Снегири никогда не пытались гнездиться в лиственничном, с небольшой примесью ели, редколесье стационара Харп.

Сезонные явления

Чётких сроков прилёта свиристелей в лесотундру нет. Однако если не считать зимовавших, большинство особей прилетает в конце апреля – мае. М.Г.Головатин (2002) отмечает, что в пойме реки Войкар (стационар «Войкар») в некоторые годы свиристели присутствовали в начале мая (ко времени приезда), в другие прилетали позднее, самое позднее появление – 27 мая 1996 и 1999. В окрестностях Лабытнанги и в долине Соби на Полярном Урале первых птиц, всегда в стаях, видели 22 мая 1977, 30 мая 1978, 26 мая 1979, 3 июня 1992; 16 мая 1997 и 2 июня 1999. Свиристели могут залетать достаточно далеко в тундру; так, например, 3 июня 1974 одну птицу встретили в посёлке Мыс Каменный (Данилов и др. 1984).

Снегири прилетают, вероятно, не раньше второй половины мая. В 1980 году на стационаре Октябрьский пару этих птиц видели 21 мая, затем 30 мая, 10 июня там же снегири беспокоились; на фактории Хадыта пара снегирей (самец и самка) поймана 27 мая (Данилов и др. 1984). В 1981 году на стационаре Октябрьский самцы и самки отлавливались в период с 10 по 16 июня; в 1982 году одна пара поймана 27 мая. О малочисленности снегирей на весеннем пролёте свидетельствует общее число этих птиц, пойманных сетями и ловушками за май-июнь 1978-1989 годов – это всего 3 самца и 4 самки из более чем 7 тыс. окольцованных весной воробьиных. На реке Хадыта в 1981 году первых снегирей видели 18 июня, затем они стали обычны и встречались в течение всего лета, т.е. прилёт был очень поздним, несмотря на относительно раннюю весну этого года.

Гнёзд свиристелей не найдено. В 1979 году они несомненно гнездились в районе стационара Октябрьский, т.к. 20 июня сетью пойман самец, 21 июня – там же самка с наседным пятном на стадии, соответствующей периоду откладки яиц. В 1977 году на участке стационара Сось, в пойменных ивняках 29 июня пойманы два слётка в возрасте 17-20 дней возраста, которых сопровождала самка.

Снегири неоднократно гнездились в районе стационара Октябрьский (беспокоились, держались в одном месте), но самого гнезда найти не удавалось. В районе фактории Хадыта 27 мая 1980 в паутинную сеть попала пара снегирей; затем самка была поймана повторно 17 июля с наседным пятном (стадия отека). 17 июля 1981 найдено гнездо снегиря с 4 едва насиженными яйцами. Оно располагалось на молодой ели у ствола на высоте 2.2 м. В 1988 году в верховьях Войкара выводки появились 27 июня и держались там до середины-конца июля; выводок на реке Погурей (приток Войкара) наблюдали 23 июля 2003 (Головатин, Пасхальный 2005). В низовьях реки Лонготъеган беспокоящаяся пара встречена 18 июня 1994. (Карагодин и др. 2000).

После распадаения выводков поведенческие различия между свиристелями и снегирями становятся более заметны. Свиристели быстро объединяются в стаи, которые могут перемещаться во всех направлениях, залетать даже на север кустарниковых тундр (Данилов и др. 1984). В долине Соби за июнь – первую половину июля пойманы, как уже говорилось, всего два слётка; свиристели в это время практически не встречались на маршрутах. Однако после 20 июля они стали массовыми птицами, на экскурсиях регулярно встречались стаи, державшиеся преимущественно на черничниках и голубичниках на южных склонах долины. Визуально дальнейшего изменения численности свиристелей не происходило, в течение августа – сентября в нашей части долины держалось несколько сот особей, преимущественно годовиков. Среди птиц, пойманных в эти дни, взрослых было 5, молодых – 26. Соотношение возрастов (1:5) соответствует высокой успешности размножения и может рассматриваться как доказательство включения в кочёвки всей локальной популяции из более южной части ареала. В 1976 и 1978 годах подобного явления здесь не наблюдали. Не было августовских массовых налётов свиристелей на заросли рябины в окрестностях стационара Октябрьский. Более того, за период массовых летне-осенних отловов воробьиных в 1978-1983 годах на стационаре пойман всего один свиристель, а стай этих птиц не видели.

Молодые снегири в период послегнездовых кочёвок, вероятно, как и молодые юрки *Fringilla montifringilla*, откочёвывают из лесотундры в северную тайгу сразу после распадаения выводков, т.к. во второй половине лета пойманы 2 молодых снегиря против 25 взрослых (соотношение возрастных групп, близкое к тому, что наблюдается у юрка –

Рыжановский 2010) при обратном соотношении у большинства других видов воробьиных нашего района.

Линька (частичная постювенальная и полная послебрачная) у обоих видов протекает в гнездовой части ареала в близкие сроки.

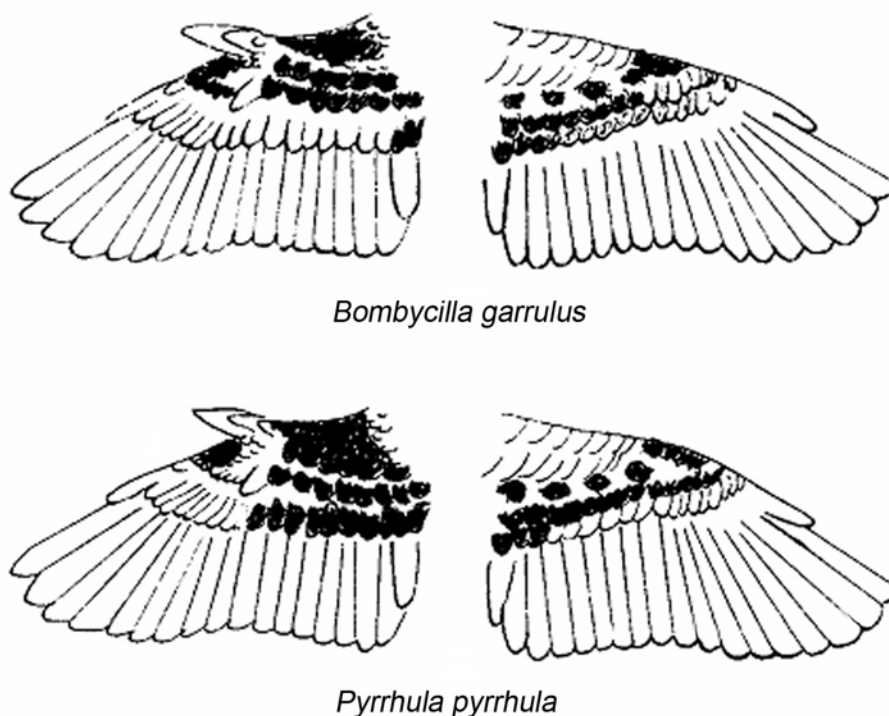

Рис. 1. Полнота постювенальной линьки крыла у свиристеля и снегиря.
Чёрный цвет – линяет у всех птиц; серый – линяет у части птиц; белый – не линяет.

Молодые свиристели ($n = 22$) в процессе линьки заменили все или почти все сформировавшееся в гнезде кроющие птерилий головы и туловища и значительное число кроющих крыла (рис. 1) Почти у всех птиц линяли средние верхние кроющие первостепенных маховых, малые и средние верхние кроющие второстепенных маховых, внутренние (19-е и 20-е) большие верхние кроющие второстепенных маховых, верхние и нижние кроющие пропатагиальной складки, кроющие крылышка, верхние и нижние кроющие кисти, средние нижние кроющие второстепенных маховых, нижние кроющие третьестепенных маховых. У некоторых птиц заменялись большие нижние кроющие первостепенных и второстепенных маховых и средние нижние кроющие первостепенных маховых. Не отмечена линька карпального кроющего. Процесс постювенальной линьки можно разделить на 7 этапов (стадий) со следующими признаками: 1-я стадия – появление пеньков нового пера в грудном отделе брюшной птерилии и межлопаточном отделе спинной птерилии; 2-я стадия – начало роста новых перьев на голове и центральных рядов кроющих плечевой птерилии; 3-я стадия – начало линьки верхних и нижних кроющих рулевых и кроющих крыла; 4-я стадия – интенсивный рост новых перьев на всех птерилии-

ях; 5-я стадия – верхние кроющие крыла перелиняли полностью, продолжается рост перьев на остальных птерилиях. В ходе 6-й стадии заканчивается рост кроющих на небольших птерилиях тела и продолжается на брюшной и спинной птерилиях, которые заканчивают её на последней, 7-й стадии линьки.

Сроки отлова молодых свиристелей на разных стадиях линьки показаны на рисунке 2. Обращают на себя внимание поздние сроки окончания линьки и её низкие темпы. У большинства осмотренных птиц линька началась во второй половине июля и только у 2 особей, несомненно из поздней кладки, её начало пришлось на третью декаду августа. При этом среди свиристелей, пойманных в середине сентября, между 11 и 16 числами, не было птиц на последней, 7-й стадии, и тем более в новом перье. Такие птицы должны появиться в начале октября, т.е. длится линька около 2 месяцев.

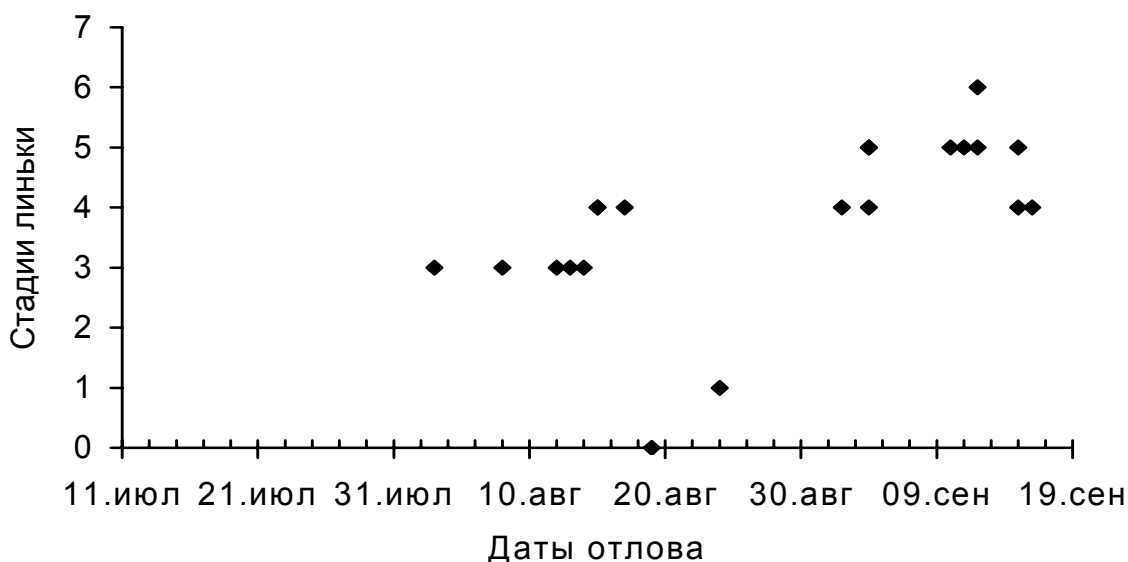

Рис. 2. Сроки отлова линяющих молодых свиристелей *Bombycilla garrulus* на Полярном Урале в 1977 г. Каждая точка – одна птица. 0 – линька не началась.

Послебрачная линька свиристелей, несомненно, полная. По осмотрам 4 птиц, пойманных на разных этапах линьки, смена оперения начинается, как и у большинства воробьиных, с выпадения внутренних первостепенных маховых, третьестепенные маховые выпадают на 4-й стадии, одновременно с началом линьки контурного оперения на грудном отделе брюшной птерилии. Линька большинства птиц начинается после прекращения выкармливания молодых, не раньше начала августа, т.к. в середине августа они были на 3-й и 4-й стадиях, а одна птица – ещё в старом перье (рис. 3). Свиристель, пойманный на 10-й стадии послебрачной линьки в конце первой декады сентября должен закончить линьку в третьей декаде. Возможно, основная масса

взрослых свиристелей заканчивает линьку до начала октября или в первой декаде этого месяца, одновременно с молодыми птицами, что по сравнению с другими северными воробьиными очень поздно.

Медленная, растянутая на 2-2.5 месяца линька свиристелей, как молодых, так и взрослых, связана с постоянными перелётами этих птиц. Она не снижает лётные качества птицы, что имело бы место при быстрой линьке, и позволяет свиристелям перемещаться на значительные расстояния в любое время второй половины лета и осени.

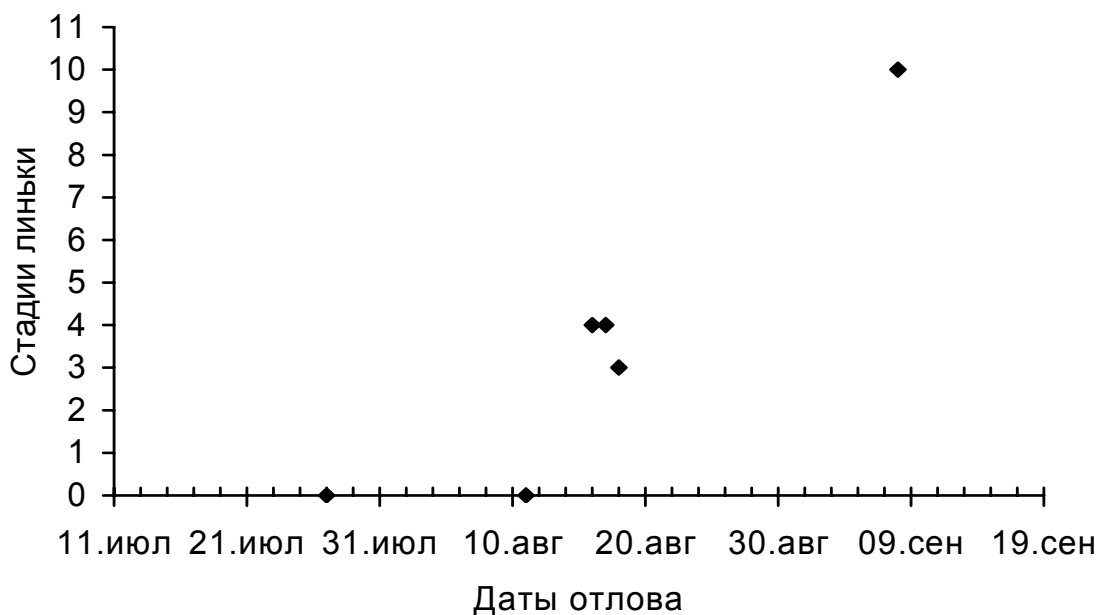

Рис. 3.Сроки отлова линяющих взрослых свиристелей *Bombycilla garrulus* на Полярном Урале и в Нижнем Приобье.
Каждая точка – одна птица. 0 – линька не началась.

Постювенальная линька снегирей детально описана Г.А.Носковым и Е.Н.Смирновым (1990) в Приладожье. Начинается она, в зависимости от сроков вылупления, возрасте 32-70 дней, имеет близкую с северными свиристеями полноту (у снегирей заменяются все большие верхние кроющие второстепенных маховых, но не линяют средние верхние кроющие первостепенных маховых), длится 60-80 дней, в зависимости от сроков вылупления (чем позднее особь вылупляется, тем раньше линька начинается и быстрее протекает). Упомянутые авторы выделили у снегиря 7 стадий постювенальной линьки.

20 августа 1958 на Полярном Урале был добыт молодой снегирь без следов линьки (Данилов 1959). Мы поймали в долине реки Собь двух молодых птиц. Первая 7 августа 1977 была на 3-й стадии, вторая 15 августа 1978 – на 5-й стадии линьки. Поскольку линька второй особи была в максимально развитом состоянии (на 4-5-й стадиях заменяются перья на всех участвующих в линьке участках), можно, несмотря на минимальный материал, составить общую схему полноты линьки. На

голове и туловище заменялись начавшие рост в гнездовое время перья всех отделов, полнота линьки крыловой птерилии приведена на рисунке 1. По этому показателю нижеобские снегири не отличаются снегирей Приладожья. Учитывая поздние сроки прилёта и гнездования снегирей в лесотундре, постювенальная линька должна начинаться в конце июля – начале августа и заканчивается во второй половине сентября – начале октября.

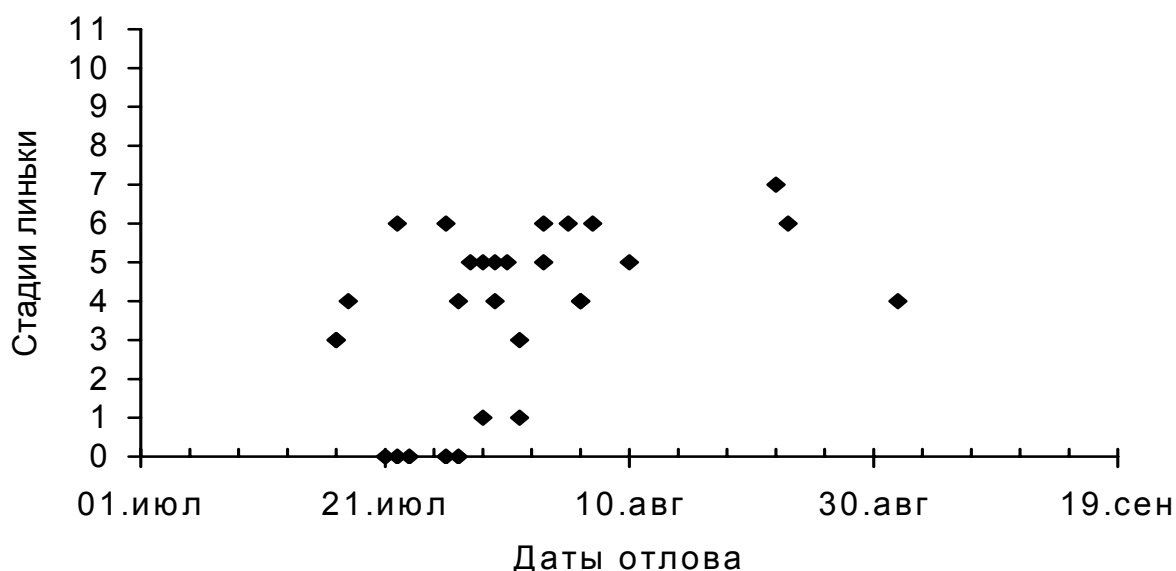

Рис. 4. Сроки отлова линяющих взрослых снегирей *Pyrrhula pyrrhula* на Полярном Урале и в Нижнем Приобье. Каждая точка – одна птица. 0 – линька не началась.

Послебрачная линька снегирей полная, последовательность смены оперения не отличается от схемы Г.А.Носкова и Е.Н.Смирнова (1990). Взрослых снегирей мы отлавливали на начальных и средних этапах линьки (рис. 4). Снегири, пойманные 17 и 18 июля на 3-й и 4-й стадиях линьки, исходя из темпов выпадения маховых, начали её 12-14 июля; снегирь, пойманный 1 сентября на 4-й стадии, начал линьку, по этим расчётам, не позднее 27 августа. Таким образом, период вступления в линьку взрослых птиц растянут на всю вторую половину лета, от второй декады июля до конца августа. Птицы разного пола линяли в общие сроки. При продолжительности линьки 82-90 дней (Newton 1966; Носков, Смирнов 1990), у наиболее рано её начавших птиц полный новый наряд должен сформироваться в последних числах сентября, у поздно начавших – в начале-середине ноября.

Сроки отлёта снегирей не установлены, вероятно, миграция идёт весь сентябрь, но в паутинные сети и ловушку снегири не попадались, хотя в отдельные годы отлов заканчивали в третьей декаде сентября. Свиристели в 1977 году на Полярном Урале попадали в сети до прекращения работы в середине сентября, но наблюдались и позднее.

Особенности летнего питания

Как уже говорилось выше, зимой снегири поедают семена из сухих и сочных плодов; свиристели предпочитают мякоть ягод, прежде всего рябины. В летний период спектр питания снегирей несколько расширяется за счёт насекомых, собираемых попутно, однако основным кормом остаются семена и зелёные части растений. Птенцов снегири выкармливают кашицей из семян с добавлением малоподвижных насекомых. Свиристели весной кормятся ягодами на проталинах в тундре, пары птиц специально вылетают туда кормиться из леса. Когда в заметном количестве появляются насекомые, свиристели переключаются на питание ими. Эти птицы охотятся на летающих насекомых исключительно в полёте (Головатин, Пасхальный 2005). Эти авторы отмечают ловкость птиц во время воздушной охоты, способность порхать и даже «пятиться назад» в воздухе. Я подобный способ ловли насекомых наблюдал в середине июля. В августе в долине Соби свиристели кормились исключительно на ягодниках.

Заключение

На северном пределе ареала оба рассматриваемых вида малочисленны. Снегирь распространён более неравномерно, на больших территориях северной тайги его нет. Однако в лесотундре, в островных и долинных лесах, его плотность, возможно, несколько выше, чем свиристеля. К гнездованию свиристели приступают раньше снегирей в связи с более ранним прилётом и раньше объединяются в стаи по завершении размножения. Процесс линьки протекает низкими темпами, благодаря чему птицы на всех стадиях смены оперения способны к дальним перелётам. Среди птиц, пойманных в разные периоды года, преобладали «тощие» и «маложирные» особи. Не было птиц, жирность которых оценивалась бы баллом «много». «Среднежирные» особи встречались в течение всего сезона отлова в единичном числе. Можно предполагать, что прилёт в Субарктику и отлет из неё снегирей и свиристелей не требует развитого миграционного состояния.

Литература

- Балахонов В.С. 1978. Некоторые орнитологические наблюдения в районе восточного склона Полярного Урала // *Тр. Ин-та экологии растений и животных* **15**: 57-63.
- Вартапетов Л.Г. 1984. *Птицы таёжных междуречий Западной Сибири*. Новосибирск: 1-240.
- Вартапетов Л.Г. 1998. *Птицы северной тайги Западно-Сибирской равнины*. Новосибирск: 1-327.
- Виноградов, В.Г. 2002. Птицы реки Русской (Луце-яхи) и низовьев Таза // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 72-84

- Галкин В.И. 1972. К биологии снегиря (*Pyrrhula pyrrhula*) в Мордовской АССР // *География и экология наземных беспозвоночных*. Владимир, 1: 34-41.
- Головатин М.Г. 2002. Население птиц Лесного Урала // *Науч. вестн. Вып. 10. Биологические ресурсы Полярного Урала*. Салехард: 32-40.
- Головатин М.Г., Пасхальный С.П. 1999. Летнее население птиц верхнего течения реки Сорум // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 82-86.
- Головатин М.Г., Пасхальный С.П. 2000. Орнитофауна поймы Нижней Оби // *Научный вестник. 4 (1). Материалы к познанию фауны и флоры Ямало-Ненецкого автономного округа*. Салехард: 18-37.
- Головатин М.Г., Пасхальный С.П. 2005. *Птицы Полярного Урала*. Екатеринбург: 1-560.
- Данилов Н.Н. 1959. Линька некоторых птиц в условиях Полярного Урала // *Материалы по фауне Приобского Севера и её использованию*. Тюмень: 390-392.
- Данилов Н.Н., Рыжановский В.Н., Рябицев В.К. 1984. *Птицы Ямала*. М.: 1-331.
- Житков Б.М. 1912. Птицы полуострова Ямал // *Ежегодн. Зоол. музея Акад. наук*. 17, 3/4: 331-369.
- Карагодин И.Ю., Нестеров Е.В., Пасхальный С.П., Штро В.Г. 2000. К орнитофауне низовьев р. Лонготъеган // *Научный вестник. Вып. 4. Материалы к познанию фауны и флоры Ямало-Ненецкого автономного округа*. Салехард: 38-43.
- Пасхальный С.П. 2000. Интересные встречи птиц в Нижнем Приобье в 1996-1999 гг. // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 154-156.
- Пасхальный С.П. 2004. *Птицы антропогенных местообитаний полуострова Ямал и прилегающих территорий*. Екатеринбург: 1-219.
- Постников С.Н. 2000. Питание и поведение воробьиных птиц в зимний период // *Животный мир Южного Урала и Северного Прикаспия*. Оренбург: 58-59.
- Носков Г.А., Смирнов Е.Н. 1990. Снегирь – *Pyrrhula pyrrhula* L. // *Линька воробьиных птиц Северо-Запада СССР*. Л.: 253-257.
- Рыжановский В.Н. 2010. Экология и годовой цикл юрка *Fringilla montifringilla* в Нижнем Приобье. 2. Послегнездовой и зимний периоды // *Рус. орнитол. журн.* 19 (590): 1431-1446.
- Newton J. 1966. The moult of the Bullfinch (*Pyrrhula pyrrhula* L.) // *Ibis* 108: 41-67.

О применимости понятия «подвид» в изучении внутривидовой изменчивости

П.В.Терентьев

*Второе издание. Первая публикация в 1957**

Осуществляя мечту классической систематики – стремясь «подвижную стихию вида... заковать в неподвижные рамки диагноза» (Комаров 1940), Линней был вынужден иногда прибегать к неопределённому слову «разновидность» (*varietas*). Прогресс таксономии заставил употреблять этот термин всё чаще. В XIX веке стало ясно, что необходимо дифференцировать явления внутривидовой изменчивости. В 1861 году Бэтс предложил для географической изменчивости термин «подвид» (*subspecies*). Понадобилось свыше 30 лет для того, чтобы понятие подвида вошло в практику, и только в 1898 году «подвид» был официально признан IV Международным конгрессом зоологов в Кембридже. Сейчас, пожалуй, нет такой группы животных, для изучения географической изменчивости которой не описываются подвиды (Robson, Richards 1936). Процент видов, для которых не описаны подвиды («монотипических»), неуклонно снижается и сейчас составляет всего 20-30% (Майр 1947).

В XX веке появилась необходимость выяснить отношения подвида к другим категориям, стоящим ниже вида, и было создано несколько систем низших таксономических категорий (Alpatov 1924). Из них наибольшее распространение получила таковая Семёнова-Тян-Шанского (1910), тогда как значительно более сложное построение Бианки (1916), по-видимому, никем не было полностью проведено в жизнь. Исследователи почти каждой крупной систематической группы вырабатывали свои наборы терминов, что ещё больше увеличило путаницу. Совершенно прав Майр (1947), когда он говорит: «Создаётся впечатление, будто каждый автор, столкнувшись с особенно трудным случаем, пытается разрешить его введением нового термина. Эти авторы не могут себе уяснить, что ни одна система номенклатуры и ни одна иерархия систематических категорий не в силах адекватным образом представить сложный комплекс внутренних связей и дивергенций, встречающихся в природе». Однако практически чаще всего пользовались и пользуются именно понятием «подвид», принёсшим несомненную пользу науке в первые десятилетия своего применения.

* Терентьев П.В. 1957. О применимости понятия «подвид» в изучении внутривидовой изменчивости // *Вестн. Ленингр. ун-та* 21: 75-81.

Систематики прошлого работали преимущественно на единичных или немногих экземплярах. За последние 50-60 лет в этой области произошла настоящая революция, вытекающая из признания изменчивости «законным» явлением. Вместо тщательного отбора и описания «типичного» экземпляра стали работать с сериями. Сама жизнь показала, что выводы, построенные на большой серии, надёжнее построенных на малой. Учение теории вероятностей о представительности случайных выборок подвело под это теоретический фундамент. Систематики оказались вынужденными собирать серии всё большего объёма и вводить количественные методы их описания. Сейчас систематик описывает новый вид по одному экземпляру только в порядке редчайшего исключения. Обычно размер серии измеряется десятками экземпляров. Систематикам приходится в сумме просматривать очень большой материал: например, одна современная монография пеночек основывается на изучении 9300 экземпляров, монография бабочек-белянок – на 50000, а одной улитки – даже более чем 100000 особей. Такое изменение техники таксономии не могло остаться без качественного преобразования самой дисциплины. Дж.Гаксли (Huxley 1940) ввёл термин «новая систематика», а уже упомянутый Майр явился его главным пропагандистом (Майр, Линсли, Юзингер 1956). Чисто морфологическое определение вида уступило место биологическому, при котором принимаются во внимание также географические, экологические, генетические и тому подобные факторы. Презрительное отношение биологов-экспериментаторов к систематикам всё более теряет своё и без того не очень солидное основание.

И зоологи, и ботаники всегда придавали большое значение географическому моменту. Недаром Комаров не только определяет вид как морфологическую систему, помноженную на географическую определённости, но и говорит о «законе Веттштейна» (Комаров 1940), по которому ближайшие друг к другу формы никогда не растут совместно. Все согласны (Семёнов-Тян-Шанский 1910; Robson, Richards 1936; Майр и др. 1956), что подвид есть географически обособленная группа популяций, отличающаяся от других таких же подразделений вида. При первом знакомстве с небольшим количеством особей какого-либо вида нетрудно отметить различия между экземплярами из разных мест. Вот их-то обычно и описывают в качестве подвидов. Потом, глядя на карту, проводят границы между этими подвидами, и ареал вида начинает напоминать старинные одеяла, сшитые из различных лоскутков. Значительно реже задаются вопросом о характере границы между подвидами. Все признают наличие между ними переходной зоны, но какова может быть её ширина? Ведь если такая зона имеет ширину одного или немногих километров, то изображение её линией на географической карте законно, в противном же случае само понятие

границы становится сомнительным. В тех случаях, когда граница совпадает с каким-либо естественным препятствием (например, берег водоёма или горная цепь), она может быть весьма резкой, но в этом случае резкость экзогенна.

Наблюдались случаи узкой переходной зоны при непрерывном распространении. Классический пример – окраска оленьей мыши *Peromyscus polionotus*, где переходная зона имеет ширину около 3 км (Sumner 1932). Однако это, видимо, редкость. Мой личный опыт показывает, что изучение серий возрастающего объёма в большинстве случаев приводит к признанию очень широкой переходной полосы или, проще, непрерывной географической изменчивости, которой Гаксли дал название «клинальной» изменчивости (Huxley 1938).

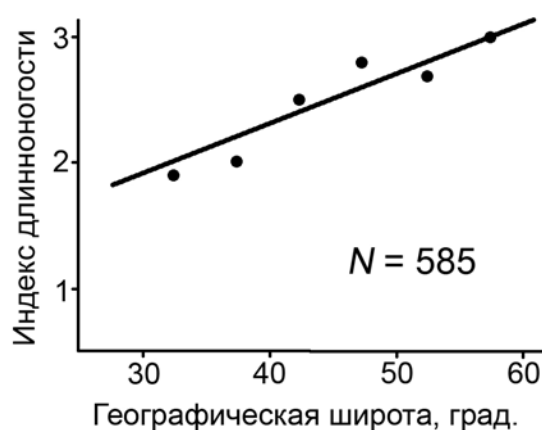

Рис. 1. Влияние географической широты места на индекс длинноногости озёрной лягушки *Rana ridibundus*.

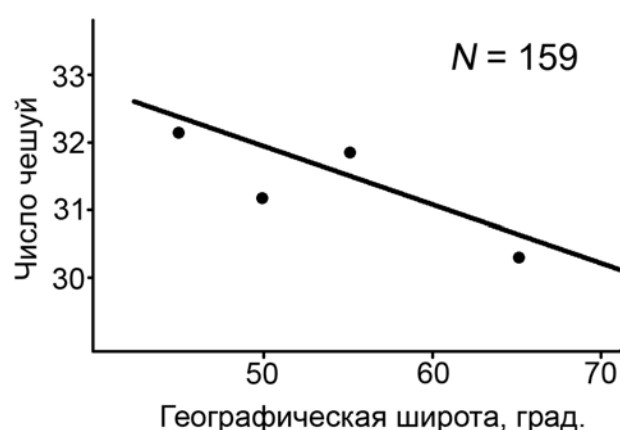

Рис. 2. Влияние географической широты на количество чешуй вокруг середины тела у живородящей ящерицы *Lacerta vivipara*.

В моих ранних работах (Терентьев 1923, 1927) было установлено наличие у лягушек длинноногих и коротконогих подвидов. С течением лет через мои руки прошли многие тысячи лягушек, а недавно мне удалось одновременно промерить свыше 600 экземпляров озёрной лягушки *Rana ridibunda*, хранящихся в Зоологическом институте АН СССР. Принимая условно случай, когда голеностопные сочленения не соприкасаются, за 1, соприкосновение их за 2 и захождение их друг за друга за 3, я получил возможность вычислить индекс длинноногости для популяций разных мест. При этом оказалось, что индекс этот прямолинейно возрастает с широтой места (приближённое уравнение: $y = 0.618 + 0.042x$) (рис. 1). Аналогичные данные я получил и для других видов. Клинальную изменчивость длины голени у зелёной лягушки Северной Америки (*Rana clamitans*) нашёл Мичам (Mecham 1954). У живородящей ящерицы *Lacerta vivipara* (рис. 2) я нашёл (Терентьев 1948) уменьшение к северу числа чешуй вокруг середины тела, которое можно выразить уравнением: $y = 36.44 - 0.09x$. Сходные явления установлены уже у жаб, птиц, рыб, моллюсков и т.п. Очевидно, кли-

нальная изменчивость является правилом, а не исключением. Принципиально важным является то, что в случае клинальной изменчивости становится возможным провести сколь угодно много границ или, вернее, невозможно установить ни одной. Приходится согласиться с Вусом (Voous 1954), что «клинальная изменчивость не может быть втиснута в жёсткие рамки подвидов».

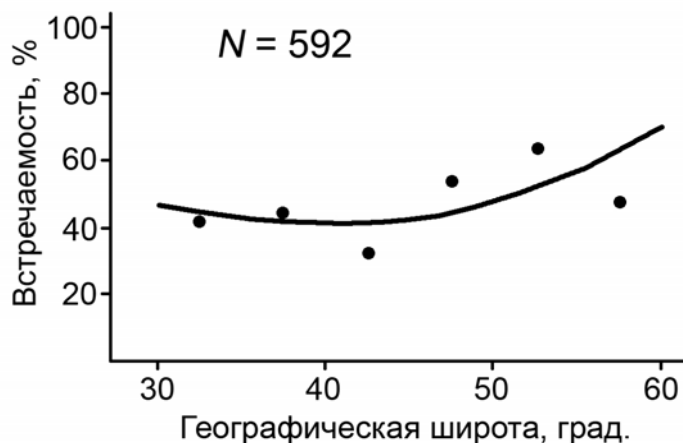

Рис. 3. Влияние географической широты на встречаемость светлой продольной полосы у озёрной лягушки *Rana ridibunda*.

Ещё бóльший удар понятию подвида наносит вопрос о связности изменений признаков. Наличие корреляции между географически изменяющимися признаками не обязательно: каждый признак может иметь свою топографическую закономерность изменчивости. Примером может служить та же озёрная лягушка: длинноноготь у неё возрастает, как уже говорилось, к северу, а вот окраска подчиняется совсем другому правилу — в широтах 40°-45° попадаетея меньше всего особей со светлой полосой вдоль спины (рис. 3), а севернее и южнее доля лягушек со светлой полосой возрастает (приближённое уравнение регрессии: $y = 128.23 - 4.36x + 0.056x^2$). У живородящей ящерицы также было обнаружено, что каждая из главных пропорций тела имеет своё направление географической изменчивости (Wermuth 1955). Гослин (Gosline 1948) показал, что корреляция между географической изменчивостью числа лучей во втором спинном и в анальном плавнике атеринки *Menidia* составляет всего $r = +0.04$. Независимость географических признаков установлена у других рыб (*Zoarces*), насекомых (*Lymantria*), растений (*Camelina*) и прочих (Лукин 1940).

Систематики по традиции предпочитают оперировать структурными меристическими признаками, пропорциями и окраской. Между тем абсолютные размеры тела также имеют в ряде случаев закономерную географическую изменчивость. Например, я установил, что длина тела озёрной лягушки (рис. 4 и 5) достигает максимума в районе между 45°-50° с.ш. и 40°-50° в.д. Этим примером, между прочим,

опровергается мнение Майра (1947), полагавшего, что абсолютные размеры имеют большее значение для гомеотермных, нежели пойкилотермных животных. Для гомеотермных систематики пользуются абсолютными размерами уже давно. Поскольку размеры тела (рис. 4 и 5) есть только внешнее выражение физиологических процессов, формирующих организм (Brody 1945), постольку следует ждать наличия географической изменчивости физиологических особенностей. И действительно, для американской *Rana pipiens* (Moore 1949) уже доказана клинальная изменчивость скорости развития икры, допустимых температурных пределов выживаемости и т.п. Быть может, физиологические признаки из-за технических затруднений ещё долго не смогут войти в рутину систематического обихода, но к этому желательно стремиться и следует помнить, что морфологические отличия иной раз связаны с жизненными свойствами самым неожиданным образом. Так, удалось показать, что колюшки *Gasterosteus aculeatus* с разным числом боковых пластинок имеют разную выживаемость в солёной воде (Heuts 1947).

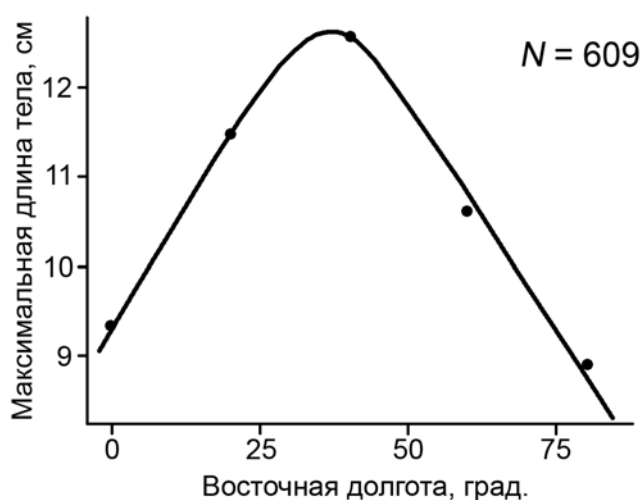

Рис. 4. Влияния нарастания восточной долготы на максимальную длину тела озёрной лягушки *Rana ridibunda*.

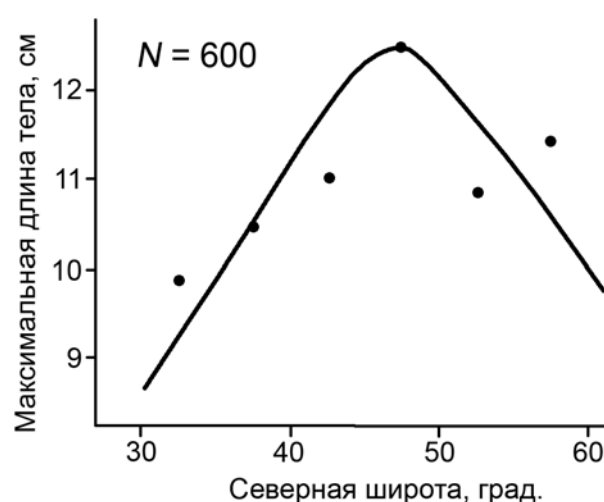

Рис. 5. Влияние географической широты места на максимальную длину тела озёрной лягушки *Rana ridibunda*.

Резюмируя изложенное, приходится признать, что подавляющее число описанных подвидов представляет собой случайные комбинации, выхваченные из общей внутривидовой изменчивости. Построенные на основании их карты искажают истинную картину изменчивости внутри вида и могут служить основой только для беспочвенных зоогеографических спекуляций. Такие карты и особенно торжественная наукообразность тройной латинской номенклатуры создают ложное впечатление законченности исследования и тем тормозят прогресс науки. Предложено различать три уровня систематического исследования: «альфа-систематикой» называется стадия описания и именова-

ния видов, бета-систематикой — объединение этих видов в естественную систему низших и высших категорий, а гамма-систематикой — анализ внутривидовой изменчивости и изучение эволюции (Майр и др. 1956).

Понятие подвид, полагаю, *ещё* не нужно на первой стадии систематического изучения любой группы, но приносит пользу на второй. Однако когда изученность группы доходит до уровня гамма, понятие подвид становится *уже* ненужным, и даже вредным: оно не в силах более описать истинные взаимоотношения вещей. Клейншмидт был, по-видимому, первым, ясно представившим себе всю ненормальность положения. К сожалению, его идеологические установки столь скомпрометировали идею «кругов форм», что и позднейшие концепции Ренша (Rensch 1929) уже не могли помочь делу. Работы Дайса, Сэмнера и других показали, что в действительности для точных методов исследования не существует двух идентичных популяций. Работа методами классической систематики неизбежно приведёт к установлению многочисленных подвидов второго, третьего и т.д. порядка. В итоге получаются и такие «монстры» номенклатуры, как *Rutilus rutilus rutilus morpha rutiloides* или *Anemona nemorosa altaica kamtschatica*. Познавательная ценность такой номенклатуры ничтожна, а неудобства много. Комаров (1940) справедливо полагал, что «очень трудно сочетать филогению с номенклатурой». Для выражения филогенетических представлений есть более подходящие средства (например, графические схемы).

Вывод ясен: *когда изученность группы достигает значительной степени, следует отказаться от употребления понятия подвида*. Высказанное положение, вероятно, вызовет протест и негодование у большого числа систематиков, некоторые же согласятся с изложенными теоретическими положениями, но зададут законный вопрос: «А как изучать географическую изменчивость, если отбросить понятие подвида?». Прежде всего надо начинать с установления характера внутривидовой изменчивости отдельных признаков: одни будут иметь топографически направленную (= географическую) изменчивость, другие ясно связываться с определёнными станциями или экологическими условиями (морфическая изменчивость) и, наконец, будут и признаки с неопределённой изменчивостью. Описание последних проще всего: поскольку они должны подчиняться нормальной кривой изменчивости, вполне достаточно привести значение среднего арифметического, квадратического отклонения и их ошибок. Прекрасным средством выражения морфической изменчивости является построение экологических спектров. Для изучения же географической изменчивости следует пользоваться методом изолиний: данные о разных местных популяциях наносятся на карту и служат опорой для интерполяции. В итоге для каждого признака должна получиться карта, напоминаю-

щая карту изобар и передающая закономерности топографической изменчивости, свойственной этому признаку. Первые намёки на такой приём встречаем в работах Алпатова (Alpatov 1925, 1929) об уменьшении длины хоботка пчелы к северу и в работах Шмидта (Schmidt 1930) с числом позвонков трески и других рыб.

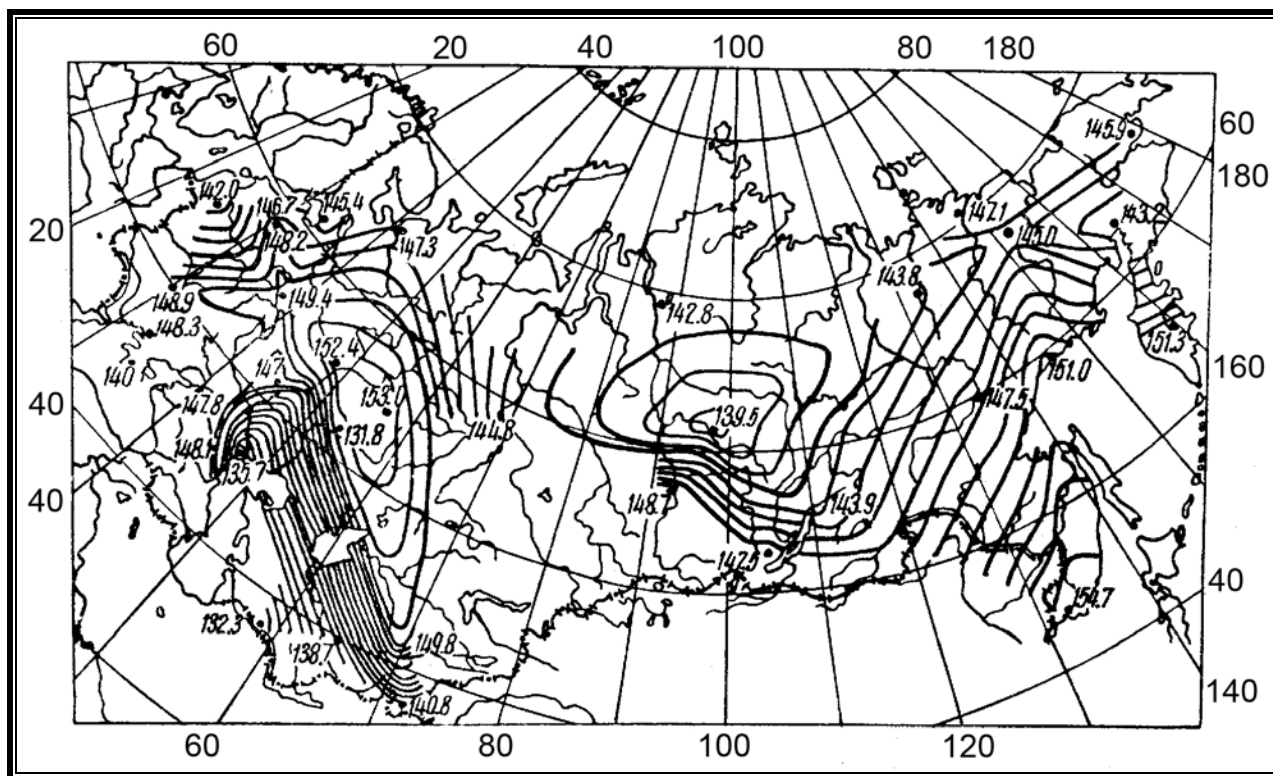

Рис. 6. Изолинии общей длины черепа лисицы *Vulpes vulpes* по данным Л.А.Чудновского (около 1000 экз.)

В 1946 году Л.А.Чудновский изучил географическую изменчивость размеров черепа лисиц *Vulpes vulpes*, промерив около 1000 черепов и, по моему совету, оформил их в виде изолиний на карте (рис. 6). К сожалению, работа его до сих пор не опубликована. А между тем зарубежные систематики через несколько лет стали применять этот приём на практике, и в прошлом году подобная карта появилась в русском переводе книги Майра и др. авторов (1956). Следует только опротестовать употребляемый ими термин «изофены», ибо он много раньше введён фенологами для изолиний сезонных явлений. Карта изолиний признаков, передавая особенности географической изменчивости (ход линий, центры максимума и минимума), направляет мысль исследователя на дальнейшие поиски и установление каузальных связей. Таким образом, результат получается обратный достигаемому подвиготворчеством. Хватит засорять науку мусором излишних латинских названий, маскирующим реальные природные взаимоотношения! Нельзя забывать предостережение Базера (Bather 1927): «Название, однажды опубликованное, неистребимо; это постоянное обременение

будущих исследователей. Будем остерегаться создавать излишние затруднения для потомства!» Случаи, когда имеется коррелятивное изменение нескольких признаков и особенно резкая граница между ними, полагаю, следует описывать как самостоятельные виды. Это вполне законно, ибо у систематика практически «нет критериев, позволяющих удовлетворительно отличать виды от изолированных подвигов» (Майр 1947). В подобных случаях желательно указывать на близость вновь установленных видов к другим и искать причины их дифференциации. Филогенетические «деревья» могут лучше и правильнее передать то, что невозможно для номенклатуры.

Принятие изложенной методики позволит считать элементарной номенклатурной единицей системы вид («элементарный таксон»).

Литература

- Бианки В.Л. (1916) 2001. Вид и подчинённые ему таксономические формы // *Рус. орнитол. журн.* **10** (160): 811-816.
- Комаров В.Л. 1940. *Учение о виде у растений*. М.; Л.
- Лукин Е.И. 1940. *Дарвинизм и географические закономерности в изменении организмов*. М.; Л.
- Майр Э. 1947. *Систематика и происхождение видов с точки зрения зоолога*. М.
- Майр Э., Линсли Э., Юзингер Р. 1956. *Методы и принципы зоологической систематики*. М.
- Семёнов-Тян-Шанский А.С. 1910. Таксономические границы вида и его подразделений // *Зап. Акад. наук физ.-мат. отд.* **25**, 1: 1-29.
- Терентьев П.В. 1923. О законе параллельных рядов у Amphibia // *Тр. 1-го Всерос. съезда зоологов, анатомов и гистологов*. Пг.
- Терентьев П.В. 1927. Опыт обзора русских видов рода *Rana* // *Тр. 2-го съезда зоологов СССР*. М.
- Терентьев П.В. 1948. О влиянии ледникового периода на географическую изменчивость // *Науч. бюл. Ленингр. ун-та* **21**.
- Alpatov W. 1924. Die Definition der untersten systematischen Kategorien vom Standpunkte des Studiums der Variabilität der Ameisen and Crustaceen // *Zool. Anzeiger* **60**: 161-168.
- Alpatov W. 1925. Über die Verkleinerung der Rüssellänge der Honigbiene vom Süden nach dem Norden hin // *Zool. Anzeiger* **65**.
- Alpatov W. 1929. Biometrical studies in variation and races of the Honey Bee // *Quart. Rev. Biol.* **4**.
- Bather F. 1927. Biological classification, past and future // *Quart. J. Geol. Soc.* **83**, 2.
- Brody S. 1945. *Bioenergetics and Growth*. New York.
- Gosline W. 1948. Speciation in the fishes of the genus *Menidia* // *Evolution* **2**, 4.
- Heuts M. 1947. Experimental studies on adaptive evolution in *Gasterosteus aculeatus* L. // *Evolution* **1**, 1/2.
- Huxley J. 1938. Clines: an auxiliary taxonomic principle // *Nature* **142** (3587).
- Huxley J. (ed.) 1940. *The New Systematics*. Oxford.
- Mecham J. 1954. Geographic variation of adaptive characters in *Rana pipiens* // *Texas J. Sci.* **6**, 1.

- Moore J. 1949. Geographic variation of adaptive characters in *Rana pipiens* // *Evolution* **3**, 1.
- Rensch B. 1929. *Das Prinzip geographischer Rassenkreise und das Problem der Artbildung*. Berlin.
- Robson G., Richerds O. 1936. *The Variation of Animals in Nature*. London.
- Schmidt J. 1930. Racial investgati // *C.R.Trav. Lab. Carlsberg* **18**.
- Sumner F. 1932. Genetic, distributional and evolutionary studies of the subspecies of Deer Mice // *Bibliograchia Genetica* **9**.
- Vooos K. 1954. Clines and their significance in zoogeographical studies // *Bull. Brith. Ornithol. Club* **74**, 3.
- Wermuth H. 1955. Biometrische Studien an *Lacerta vivipara* Jacquin // *Abh. und Ber. für Naturkunde und Vorgeschichte* **9**, 6.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск **614**: 2118-2122

К статье А.Я.Тугаринова о гусях Енисея

С.А.Бутурлин

Второе издание. Первая публикация в 1911*

Статья А.Я.Тугаринова «Гуси Нижнего Енисея» (1910) вызвала весьма строгое замечание со стороны С.Н.Алфераки (1910). Сознвая некоторую возможность того, что именно я был тем фальшивым маяком, который вовлёл исследователя енисейской фауны в буруны негодования автора «Гусей Старого Света», я чувствую свою обязанность сказать по этому поводу пару слов.

Я вполне и всем сердцем присоединяюсь к С.Н.Алфераки по вопросу о крайней предосудительности публикаций с грубыми ошибками в определениях. Негодование моё в таких случаях, правда, умеряется грустным сознанием, что — кто же из нас, в сущности, без греха. У кого,— если, в особенности, кто работает много,— нельзя найти, покопавшись, таких ошибок, за которые не следовало бы произвести публичной экзекуции в отделе библиографии. Такой орнитолог как Сальвин, в одном и том же томе описал одну новую птицу дважды: как два новые вида двух разных родов. Н.А.Северцов в своё время принимал сибирскую мородунку за американского *Totanus melanoleucos*. Хартерт и до сих пор принимает большого центральноазиатского сорокопута за молодёжь сибирского. В.Л.Бианки не так давно принял морского песочника за чернозобика, отметив даже ненормальность его оперения

* Бутурлин С.А. 1911. К статье г. Тугаринова о гусях Енисея // *Орнитол. вестн.* 1: 27-31.

(действительно для *Tringa alpina* ненормального!). Конечно, для этих выдающихся натуралистов характерны, однако, не эти случайности. Добавлю ещё, что хорошо помню, как Генри Дрессер, Г.В. барон Лоудон и я, втроём, признали осоеда за сарыча...

Как бы то ни было, должен сознаться, что и меня волнует, когда я встречаю «учёную работу», в которой грубейшие ошибки или крайняя неряшливость являются уже нормой, а не случайностью. Если, например, автор, впервые попав в Азию, сейчас же «по голосу» определяет любого из ряда чисто-азиатских бекасов, или зачисляет в фауну центральной Сибири выставочные чучела птиц с надписью «Ленкорань. Куплено от Лоренца», или, на основании находки единичного куличка во второй половине августа, говорит об его гнездовании, или, сравнивая синего дрозда, распространённого от Испании до Центральной Азии, с белым стервятником, распространённым от Испании до Центральной Азии, уверяет, будто стервятник белее дрозда под влиянием континентальности климата...

Но ведь есть «ошибки» совершенно иного свойства, которые, объективно говоря, правильнее было бы назвать не ошибками даже, но лишь *разногласиями в суждениях*. А такого рода разногласия, несмотря на щепетильную точность и аккуратность, не только всегда были, но и всегда будут, — по крайней мере пока останутся на земле хотя бы два человека, проникнутые живым научным духом свободы и самостоятельности суждений, а не мертвящим принципом «*magister dixit*».

Вопросы классификации и номенклатуры — такой неисчерпаемый источник споров и разногласий, что по вопросу о том, как называть краснозобую казарку я замечу лишь одно: весьма значительных цветовых и структурных отличий её от других настоящих казарок никто не отрицает, но по вопросу об уместности вводить *родовое* название для «группы», исчерпывающей всецело одной единственной формой — можно держаться различного мнения.

С.Н.Алфераки, В.Л.Бианки и многие другие авторитетные лица совершенно вычёркивают из таксономической шкалы понятие «подрода» (Subgenus), принимая взамен дробнейшие роды, даже для массы монотипичных групп. А, например, американский Чек-Лист — также весьма авторитетный источник — широко пользуется подродами, и А.Я.Тугаринов имеет полное право разделять именно это мнение. Разница же в этом отношении между гуменниками и краснозобой казаркой та именно, что гуменники — большая сравнительно группа из нескольких, процветающих и разделившихся на ряд географических рас, видов; если бы гуменников была всего лишь одна форма, как краснозобой казары, то, разумеется, я и не подумал бы для них устанавливать не только рода, но и нового подрода.

Вопрос о *наименовании* енисейских белолобых гусей — также, по-

моему, вопрос лишь *суждения* и притом по весьма тонкому вопросу. Как сам С.Н.Алфераки знает лучше всякого другого, больших белолобых гусей имеется лишь *один* кругополярный вид, и ошибки в определении *вида* (такая ошибка, конечно, была бы грубой) у А.Я.Тугаринова во всяком случае *нет*. Этот один кругополярный вид, как справедливо указывает С.Н.Алфераки, постепенно увеличивается, особенно в размерах клюва, от западных берегов Европы к востоку. Верно, что увеличение это в среднем весьма незначительно, при весьма широких повсюду индивидуальных колебаниях. Поэтому справедливо, что было бы основание поставить вопрос – стоит ли ввиду этого дробить такой вид на плохо различимые расы, – если бы только вопрос этот не запоздал полустолетием. Ещё в 1852 году американские птицы – действительно немножко более длинноклювые, чем европейские – были отличены под особым именем, – и факта этого, даже если жалеть о нём, вернуть в небытие невозможно, значение же факта этого в данном случае весьма велико. Не будь установлено в системе никаких подвидов единого вида – не было бы и вопроса, куда именно отнести енисейских белолобых гусей: очевидно, к той единственной форме, которая в таком случае только и существовала бы в системе. Но раз полвека уже существуют в науке *две* расы этого одного вида и признаются почти всеми [сам С.Н.Алфераки (1904, с. 44, строч. 12-13 снизу) вовсе *не* высказывается категорически за редукцию американских птиц к типичной форме], – раз такой капитальный и авторитетный источник по птицам Восточной Сибири, как Тачановский, включает в фауну её обе расы, – то перед местным исследователем неизбежно встаёт вопрос: к какой из двух известных рас данного вида отнести свои енисейские экземпляры, не показывающие абсолютного совпадения ни с одной из двух. А.Я.Тугаринов отнёс их к *Anser albifrons gambeli* – и подвергается за это суровому порицанию. С.Н.Алфераки на том, в сущности, основании, что настоящие американские *gambeli* должны быть немножко покрупнее енисейских. Если бы он отнёс их к *A. albifrons albifrons*, то, очевидно, заслужил бы от кого-либо другого столь же справедливое порицание и буквально на том же самом основании, так как настоящие европейские *albifrons* несомненно немножко помельче енисейских!

Есть ещё третий выход из затруднительного положения: наименовать енисейских (или вообще восточносибирских) белолобых гусей в качестве особой «новой» расы. Но это было бы, пожалуй, самым плохим выходом, так как, если в пределах данного вида и двум-то расам приходится, по-видимому, тесновато, то отграничить ещё третью явилось бы слишком искусственным; и так довольно у нас «форм», которых и авторы-то едва ли различают без ярлыков.

Чтобы нагляднее иллюстрировать положение енисейских белолобых гусей, прибегну к цифровым сопоставлениям. Это тем полезнее,

что те строки в капитальном труде С.Н.Алфераки, где он резюмирует свои данные по вопросу о расах белолобого гуся (1904, с. 44, строч. 26 и 37 снизу), содержат несколько *опечаток*, с одной стороны *увеличивающих* размер типичных птиц, с другой – *преуменьшающих* размер восточных, чем, разумеется, *сглаживается разница* между ними*.

Я нахожу необходимым исключить из рассмотрения молодых птиц и беру из богатого запаса данных работы С.Н.Алфераки цифры размера (в мм) хребтов клювов лишь *взрослых* птиц, именно 13 экземпляров Европы и Западной Сибири, 16 экземпляров Дальнего Востока и кончая Леной, вставляю измерения А.Я.Тугариновым 28 экземпляров Енисея и пополняю данными об американских птицах из работы доктора Кауза.

Регион	Min	Max	Среднее
Европа, Западная Сибирь	42.0	51.0	46.10
Енисей	42.3	53.3	47.40
Восточная Азия от Лены	44.0	56.0	49.34
Северная Америка	44.5	60.0	~ 51.00

Мне кажется, что из этих данных†, несмотря на всю их недостаточность, всё же можно не без некоторого основания утверждать, что белолобые гуси дальнего востока Азии, включая Лену, гораздо ближе к американской расе *A. a. gambeli*, чем к типичной европейской, и что отнесение туда или сюда енисейских особей – есть дело личного суждения в довольно тонком и запутанном вопросе, но вовсе не дело грубой ошибки в определении. А если признавать это ошибкой, то, как очевидно из приведённых цифр, отделять енисейских птиц от типичных и соединять их с американской формой – буквально *такая же*, и качественно, и количественно, ошибка, как отделять птиц Дальнего Востока и Лены от американских и соединять их с типичной формой, как это делает С.Н.Алфераки.

Во всяком случае *A. a. gambeli* внесён в списки птиц Российской империи не А.Я.Тугариновым. В списках этих названная птица и впредь, как мне думается, должна оставаться. Вопрос лишь в уяснении её западной границы в Азии, или, точнее говоря, в определении той полосы, на протяжении которой обе расы сливаются до неразличимости. Вышеприведённые цифры как бы указывают на то, что такой полосой является пространство между Енисеем и Леной.

* Именно, для чукотских птиц (см. с. 44, строч. 26 снизу) наименьшая длина клюва в мм даётся 41 вместо 46 (см. с. 43 и размеры в дюймах). Для европейско-киргизских, *включая* и молодых, размер клюва даётся от 43 мм (1.69 дюйма), тогда как из 6 молодых тургайских птиц (см. начало с. 44) 5 имели клювы короче и некоторые много короче 43-х мм.

† Лучше было бы производить сравнение отдельно по полам, но определение пола в большом числе музейных экземпляров очень ненадёжно. В сборах А.Я.Тугаринова 15 взрослых самцов имеют клюв от 43.5 до 53.3, среднее 49.05 мм, а 12 взрослых самок от 42.3 до 49.0, среднее 45.35 мм.

Литература

- Алфераки С.Н. 1904. *Гуси России*. М.: I-VII, 1-189.
Алфераки С.Н. 1910. Критическая заметка к статье А.Я.Тугаринова о гусях Нижнего Енисея // *Орнитол. вестн.* 3: 206-208.
Тугаринов А.Я. 1910. Гуси Нижнего Енисея // *Орнитол. вестн.* 1: 44-49.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 614: 2122-2123

Новая регистрация черноголового хохотуна *Larus ichthyaetus* в Белоруссии

Н.Н.Яковец, М.Г.Дмитренко

*Второе издание. Первая публикация в 2000**

Граница регулярных миграций и кочёвок черноголового хохотуна *Larus ichthyaetus* достигает на северо-западе Запорожского (Каховского), Цимлянского и Куйбышевского водохранилищ, что лишь немного выходит за область гнездования этого вида. Однако как в сезон размножения, так и вне его отмечены многочисленные залёты за пределы гнездовой части ареала, из которых ближайшие к Белоруссии – это встречи на Западной Украине, в Польше и восточной части Латвии (Зубакин 1988).

Впервые черноголовый хохотун (птица второго календарного года жизни) на территории Белоруссии зарегистрирован 27 мая 1998 (Винчевский и др. 1999).

При проведении орнитологических исследований на территории рыбхоза «Белое» 8 июня 1999 в первой половине дня нами отмечена одна особь черноголового хохотуна. Птица наблюдалась в летящей стае крупных чаек (группы «*argentatus*»), которая до нашего появления отдыхала на отмелях и корягах полуспущенного пруда. В числе впереди летящих птиц была отмечена черноголовая особь со светлым сизовато-пепельным верхом и белым низом, размах крыльев которой был несколько бóльшим, чем у остальных чаек. В 15-кратный бинокль удалось рассмотреть белые полосы сверху и снизу вокруг глаза, тёмную перевязь (с оттенком красного) у вершины жёлтого клюва и интенсивно чёрную окраску оперения головы. Крупные размеры, бóльший, чем у серебристых чаек, размах крыльев и характерная окраска

* Яковец Н.Н., Дмитренко М.Г. 2000. Новая регистрация черноголового хохотуна (*Larus ichthyaetus*) в Беларуси // *Subbuteo* 3, 1: 51-52.

головы и клюва позволяют уверенно говорить, что наблюдавшаяся птица – черноголовый хохотун, возраст которого не менее 3 лет.

Следует сказать, что несмотря на продолжительность исследований в данном районе в полевой сезон 1999 года (с третьей декады апреля по конец июня), черноголовый хохотун был отмечен лишь однажды. Для Белоруссии это вторая встреча данного вида и первая регистрация особи в гнездовом наряде (официально утверждена Белорусской орнитофаунистической комиссией 17 декабря 1999).

Л и т е р а т у р а

- Винчевский А.Е., Raty L., Smet G., de, Schaetzen R., de, Bekaert L., Lafontaine R.-V., Парейко О.А. 1999. Новый вид чаек для Беларуси – черноголовый хохотун (*Larus ichthyaetus* Pall.) // *Subbuteo* **2**, 1: 49-50.
- Зубакин В.А. 1988. Черноголовый хохотун – *Larus ichthyaetus* Pallas, 1773 // *Птицы СССР: Чайковые*. М.: 57-69.

